

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

НИКОЛАЙ ГОЛЬ
Член Союза писателей Санкт-Петербурга
nikolai_gol@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена стихотворению Александра Блока, ставшему последним в жизни поэта. Восстанавливая по воспоминаниям и дневниковым записям (сам А. Блок, А. Бенуа, Корней Чуковский, Вл. Ходасевич и др.) историю создания произведения и литературно-творческую обстановку тех лет, автор статьи доказывает, что послание «Пушкинскому Дому», написанное после двухлетнего творческого молчания по прямому и недвусмысленному заказу, носит далеко не альбомный характер, а, напротив, глубоко лирично и отражает разочарование поэта в революционных преобразованиях, от которых ожидалось так много. В анализе стихотворения показано, что его четырехстопные ямбы напрямую восходят в пушкинским «Бесам», а не к пушкинскому же «Пиру Петра Великого», и под «тайной свободой» подразумевается свобода политическая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Пушкинский Дом; Блок; Казанович; «О назначении поэта»; тайная свобода; «Бесы».

THE LAST BOW

NIKOLAY GOL
Member of Writers Union, Sankt-Petersburg

ABSTRACT

This article is dedicated to a poem written by Alexander Blok, the last peace created by the poet. In the process of reconstruction of history of this creation and the atmosphere of art and literature of these years through the memoirs and dairy entries (by Blok himself, A. Benua, Kornei Tzukovski, V. Hodasevich and others), the author proves the message to "Pushkinski Dom", written after two years of silence on clear and unambiguous commission is not merely a pretty piece. Quiet the opposite; it is deeply lyrical and transparent to the poet's disappointment with the revolutionary transformations that he used to expect so much from. Analyzing the poem proves that its dimeter pentameters rising directly do Pushkin's "Demons" and not "The Feast of Peter the Great" and by "secret freedom" the poet means political liberty.

KEY WORDS: Pushkinski Dom; Blok; Kazanovich; "The destiny of a poet"; "secret freedom"; "Demons".

ВРЕМЯ И МЕСТО

Свое предсмертное, практически последнее стихотворение - «Пушкинскому дому» - Александр Блок завершил словами:

С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему,

именно Пушкинский Дом имея в виду. Что не всякий современный читатель поймет без комментария: Пушдом, как запросто именуют его порой, находится на Тучковой набережной Санкт-Петербурга, и с Сенатской площади, сколько ни старайся, его не увидишь. Для чего ж кланяться оттуда, совершая в таком случае нечто вроде сакрального поклонения, подобного намазу, – так, в никуда, куда-то по направлению к Каабе?

Подобное недоумение могло бы вызвать и еще целый ряд интересных интерпретаций, связанных, например, с особым пространственным видением, кабы не одно обстоятельство: в 1921 году, когда писалось стихотворение, и вплоть до 1927 Пушкинский Дом располагался в здании Академии Наук, как раз наискосок - через Неву - от Сенатской. Потому-то Блок и кланялся отсюда. Потому-то и писал:

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук, -

именно «в». (Комментарий к этой строке в современном полном собрании сочинений поэта: «С апреля 1918 года Пушкинский Дом был включен в число академических учреждений», - при всей фактической точности самым неожиданным образом игнорирует смысл предлога). (Блок 1999 5: 497). Потому-то и сфинксы, и Медный Всадник помянуты в стихах в связи с Пушдомом, из окон которого были тогда видны.

Нет, нет, ориентации во времени и пространстве поэт не потерял. Хотя потери его к 1921 году были велики и поистине трагичны. Исчезли иллюзии, умерла надежда, а главное – иссякла внутренняя потребность писать стихи. Это был, писал Александр Бенуа, «результат усилия “полюбить их черненькими” <...>. Но именно *после такого* (курсив А.Бенуа - Н.Г.) усилия ничего больше не оставалось, как умолкнуть и угаснуть». (Бенуа 2005: 98). Чуть ли не два года – глухое молчание. Вот почему так обрадовались близкие появлению стихов «Пушкинскому Дому». Точный и достоверный очевидец, Корней Чуковский свидетельствует о реакции матери поэта, А.А. Кублицкой-Пиоттух: «Александра Андреевна ликовала: он давно уже не писал ни одной стихотворной строчки, и вот, как ей показалось, поэтическое вдохновение снова и надолго вернулось к нему». (Чукоккола 2006: 228).

Увы, Александра Андреевна ошибалась: поклон с Сенатской оказался непоправимо прощальным, послание «Пушкинскому Дому», датированное 11 февраля, осталось последним законченным стихотворением Блока. Но что же побудило его прервать двухлетнее молчание, чтобы потом вновь продлить его – на полгода, до самой смерти? Точно этого знать мы не можем. Но знаем, что был прямой и недвусмысленный заказ.

ЗАКАЗ

5 февраля 1921 года Е.П.Казанович, библиотекарь Пушкинского дома, занесла в дневник: «Звонила Блоку, прося его написать что-нибудь в альбом, который я предназначаю Пушк[инскому] Дому... Блок обещал и думаю, что не для того только, чтобы отделаться». (Казанович 1980: 108).

Вовсе не для того! Черновой вариант стихотворения был написан тогда же, к вечеру 5 февраля. Дней через десять в гости к Блоку зашел Корней Чуковский. «Александр Александрович был сумрачен. "Да, написал... Кто-то позвонил по телефону и попросил написать..."» (Чукоккола 2006: 258).

Удивляет это «кто-то». Тем более, что в дневнике Блока за 5 февраля значится вполне определенно: «Позвонила библиотекарша Пушк[инского] Дома».

Он, несомненно, знал – и по опубликованным работам, и лично – Евлалию Павловну Казанович, одного из старейших сотрудников Пушкинского Дома. Блок бывал здесь не раз и не два; осенью 1914 года, готовя к изданию «Стихотворения» Аполлона Григорьева – чуть ли не ежедневно. И библиотекой, которой Евлалия Павловна заведовала уже тогда, конечно, не мог не пользоваться. И статьи Казанович в «Вестнике Пушкинского Дома», которые публиковались довольно регулярно, вряд ли могли совсем незамеченными пройти мимо его внимания: ни «Пушкинский Дом. История его возникновения», ни «Описание рукописей, принадлежащих Пушкинскому Дому» (публикация, совместная с Б.Л.Модзалевским, с которым Блок прятельствовал). И вот – «кто-то». О чем-то это «кто-то» неумолимо напоминает.

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то...

Так в пушкинской маленькой трагедии Моцарт рассказывает об истории получения им заказа. И что же было заказано?

...Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Reguïem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать...

Реакция творческого человека на заказ, пришедший извне – вещь непредсказуемая. Он может стать толчком, мощно раскручивающим пружину подспудно таящегося вдохновения. Напрасно думать, будто результаты заказной работы заведомо должны оказаться холодней, декларативней, суше – вообще хуже, – чем плод чистого творческого восторга. Вот пушкинский Моцарт, скажем, исполнил заказ в жанре, который уже сам по себе подразумевает приуроченность к случаю, пусть

печальному, но неизбежному в жизни каждого живого организма, так, что и сказать нечего, кроме -

..продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...!

И у Блока заказное стихотворение оказалось пронзительным, хоть и не сразу востребованным. Евлалия Павловна не пришла за заказом ни через неделю, ни через две, ни даже через месяц.

...С той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Reguiem...

Моцарт выполнил заказ – и умер, отравленный. Блок выполнил заказ и умолк навсегда, не в силах больше дышать отравленным воздухом обманувшей его действительности.

Удивительные возникают в жизни (а лучше сказать – в ее поэтической сфере) сопоставления и сближения, порой неосознанные и невыявленные, но – явленные. Не о том ли говорил и сам Блок: «На бездонных глубинах духа катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир»? Он сказал это в речи «О назначении поэта», которую писал в те же дни, что и стихотворение «Пушкинскому Дому»; речь и стихи связаны неразрывно.

Это легкое имя: ПУШКИН

Речь, о которой мы заговорили, тоже была заказной и предназначалась для прочтения на торжественном заседании в Доме Литераторов. Странное, если подумать, предстояло торжество. Оно посвящалось дате не круглой и вовсе не радостной: 84-летию со дня гибели Пушкина и состоялось 11 февраля 1921 года. В зале собрался весь цвет литературного Петербурга и некоторое количество функционеров, призванных руководить культурой. Первым выступал А.Ф.Кони, за ним – М.А.Кузмин, следом – Блок. «Это легкое имя: Пушкин», - прозвучало в начале его речи. «Можно поклясться веселым именем Пушкина», - значилось в ее конце. Больше ни о чем легком, ни о чем веселом поэт не говорил. Мало было легкого и веселого. Как по горячим следам записал в дневнике Корней Чуковский, Блок «пошел к кафедре, развернул бумагу и матовым голосом стал читать о том, что Бенкендорф не душил вдохновения поэта так, как душат его теперешние чиновники, что П[у]шк[ин] мог творить, а нам (поэтам) теперь – смерть». (Чуковский 1997 1: 158).

Конечно, таких слов сказано со сцены не было. Но именно так истолковал основную суть блоковской речи Чуковский. Интерпретация ведь зависит от множества причин: от сиюминутного настроения интерпретатора и от долговременных настроений общества, от частных ситуаций и от общих тенденций. В данном случае все они никак не могут быть названы воодушевляющими. Эйфория, захлестнувшая некоторую часть интеллигенции сразу после революции, схлынула. Цензура лютовала. Особую тоску вызывала даже не ее политическая строгость (не такая уж, впрочем, и тотальная), а непредсказуемая и часто необъяснимая мелочная придирчивость, безграмотная и чуть ли не издевательская. Скажем, представил критик Ю.И. Айхенвальд в цензуру статью, вроде бы совершенно безобидную. Последовал полный запрет на публикацию. Удивленный автор испросил приема у П.И. Лебедева-Полянского, будущего академика, а тогда - начальника Главлита, цензурного ведомства. В чем дело, почему запретили?

- Из-за мистицизма.
- Где же мистицизм?
- А вот у вас строки: "умереть, уснуть", это нельзя. Это мистицизм.
- Но ведь это цитата из "Гамлета"!
- Разве?
- Ей-богу». (Чуковский 1997 1: 196).

Будущий академик несколько смутился.

Это не анекдот – подлинная история, которую рассказал в узком дружеском кругу Евгений Замятин. Некоторую осторожность в публичных высказываниях приходилось соблюдать. Что и отметил чуткий Чуковский. Занеся в дневник свое истолкование блоковской речи, он добавил: «Сказано это было так прикровенно, что некоторые не поняли. <...> Но большинство поняло». (Чуковский 1997 1: 158).

Например, довольно крупный большевистский чиновник, уполномоченный Наркомпрпоса в Петрограде М.П.Кристи - понял. По свидетельству Владислава Ходасевича, «перед уходом, надевая пальто в передней, он сказал громко: - Не ожидал я от Блока такой бестактности». (Ходасевич 1991: 86).

Среди тех, кто не понял, оказалась Е.П. Казанович, тоже присутствовавшая на заседании, но к Блоку не подошедшая ни до, ни после речи: «Кони был трафаретен, Блок – скучен». (Казанович 1980: 109).

Только 20 марта появилась в дневнике Евлалии Павловны запись: «Никак не ожидала, чтобы Блок так быстро исполнил мою просьбу о стихах в альбом. Какой милый! Мы условились, что я зайду с альбомом, но до вчерашнего дня я, по своему обыкновению, не выбралась». (Казанович 1980: 111).

И вот, стало быть, 19 марта собралась. Стихи были перебелены автором в альбом и стали достоянием общественности. Характерно, что

Блок, написавший их 5-го февраля и после 8-го практически не вносивший изменений в основной текст, датировал свое произведение не днем написания, не днем последней правки и не днем записи в альбом, а именно 11 февраля – той же датой, что и речь «О назначении поэта», тем самым авторской рукой указывая на их взаимосвязь.

ПИР И БЕСЫ

Впервые стихотворение было опубликовано во втором номере журнала «Дом искусств» за 1921 год – и, кажется, без участия автора. Прибавим, что сам поэт этих стихов никогда на публике вслух не читал и считал, что, «кажется, вышло плохо. Я отвык от стихов, не писал уже несколько лет». (Чуковский 1924: 51). А вот одна из первых читательниц стихотворения, А.А.Кублицкая-Пиоттух, говорила иначе: «Стихи мне нравятся». (Блок 1999 5: 495). Ну, мать она и есть мать, но разительные расхождения в оценке послания «Пушкинскому Дому» и в его интерпретациях существовали и позже, существуют и до сих пор, – даже на уровне интонационного истолкования.

В.Н. Орлов: «В этих стихах не хватает блоковского лиризма». (Орлов 1980: 714).

З.Г. Минц: «Созданное для альбома, «на заказ», стихотворение между тем глубоко лирично». (Минц 2000: 259). (Между прочим, это «между тем» лишний раз подчеркивает прочно укоренившееся настороженное отношение к результатам заказного творчества).

В одном только, анализируя и интерпретируя стихотворение «Пушкинскому Дому», сходятся все, кажется, блокovedы: это – четырехстопный хорей. В.Н. Орлов говорит о «стихах, написанных размером пушкинского «Пира Петра Первого». (Орлов: там же). З.Г. Минц подхватывает и уточняет: «Хореи ведут нас не к стихиям «Зимнего вечера» и «Бесов», а к праздничному эмоциональному и интонационному настрою «Пира Петра Великого». (Минц: там же).

Что же порождает такую уверенность? «Например, обилие восклицаний и вопросов». (Минц: там же). Спору нет, в послании «Пушкинскому Дому» их множество – как и в «Пире». Но ведь и в «Бесах» ничуть не меньше!

Их лирический герой восклицает:

Страшно, страшно поневоле средь неведомых равнин!.. Эй,
пошел, ямщик!.. Что делать нам!.. Сколько их!..

Вопрошает:

Что там в поле?... Куда их гонят?.. Что так жалобно поют? Домового ли хоронят, Ведьму ль замуж выдают?..

А что до «праздничного эмоционального и интонационного настроения», до утверждения «пушкинских идеалов гармонии и радости» (Мицк: 260), то это еще как посмотреть.. Все, все связалось в блоковском стихотворении с Пушкинским Домом – и звоны ледохода, и перекичка пароходов, и сладость, и радость, и вдохновение, и окрыление - но все как-то в прошедшем времени: встречали, открывала, звали, прозревали, пели, вдохновляла, окрыляла...

В настоящем – только древний Сфинкс, Всадник бронзовый, последний поклон да крик о помощи: «Дай нам руку в непогоду».

Тут мы и сами начинаем восклицать и вопрошать. Что это за непогода такая? Уж не та ли: «Мчатся тучи, выются тучи»?

И какой такой «черный день» поэт и иже с ним
«..встречали
Белой ночью огневой»?

Кажется, один из этих (см. дневник Блока от 6 февраля 1921 года): «Следующий сборник стихов, если будет - "Черный день"». Ну ладно, довстречались. А ночь-то почему названа «огневой»? Может быть, потому, что – страстная, порывистая? Но не менее логично предположить, что она - полная огней, огненная. Интерпретируя такое значение, толковый словарь уточняет: «о глазах; поэтич.» Вот и в «Бесах»: «Лишь глаза во мгле горят». Да чьи глаза-то? «Кто их знает?» - сказано поначалу у Пушкина. И только потом удастся разглядеть: «Закружились бесы разны...»

А прогос, именно в начале двадцатых годов распространился анекдот, связанный с большевистским планом монументальной пропаганды: задумали комиссары поставить памятник Достоевскому, а на постаменте выбили: «Федору Михайловичу - от бесов».

«Но не эти дни мы звали» (Блок, «Пушкинскому Дому»);
«Сбились мы. Что делать нам!» (Пушкин, «Бесы»)

Впрочем, не будем настаивать. Для кого-то «мчатся бесы рой за роем», а кому-то – радостный эмоциональный настрой. Каждому свое. «Словом, - как значится в дневнике Чуковского, - еще два года - и эти пролетарии сами попросят – ресторанов, кокоток, поваров, Монте-Карло, биржу и пр. и пр. и пр.» (Чуковский 1997 1: 136)

ПИР БЕСОВ.**ТАЙНА ТАЙНОЙ СВОБОДЫ**

И вот мы всерьез подошли к четверостишию, для автора, по-видимому, очень важному. Ведь недаром же ключевое словосочетание в нем выделено курсивом:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

О ней же, о тайной свободе, говорил Блок и в Доме Литераторов 11 февраля: «Мы знаем, что он требовал «иной», «тайной» свободы. По нашему, она личная; но для поэта она не только личная». И еще: «Не будем сегодня спорить о том, верно или неверно отделял Пушкин свободу, которую мы называем личной, от свободы, которую мы называем политической». Хорошо, не будем спорить. Но чуть-чуть поговорить о тайной свободе все-таки хочется.

Пушкин писал:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу звук простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Это стихотворение - «На лире скромной, благородной...» - чаще печатается под заглавием «К Н.Я.Плюсковой», данным позднее первой публикации. Наталья Яковлевна Плюскова - фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра Первого, которой обсуждаемые стихи 1818 года содержательно и посвящены. Они были сочинены Пушкиным на заказ, что даже специально подчеркивалось их первоначальным названием: «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны». Заказаны же они были не фрейлиной Плюсковой, а одним из приятелей автора.

Федор Николаевич Глинка - поэт, прозаик, полковник по особым поручениям при петербургском генерал-губернаторе М.А.Милорадовиче, редактор журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», член вполне легального Вольного общества любителей русской словесности, - состоял в то же время и в обществе тайном, в Союзе Благоденствия, и активно пропагандировал идею государственного переворота с целью возведения на престол Елизаветы Алексеевны. Он-то и попросил Пушкина написать стихотворение, которое тут же напечатал в своем журнале.

Не станем пересказывать внутреннюю сущность стихов собственными словами – это сделала раньше нас (и наверняка лучше, чем смогли бы мы)

академик М.В. Нечкина. Позволим себе обширную цитату из ее фундаментального труда «Движение декабристов». Говоря о пушкинских стихах, исследовательница настаивала: «Надо со всей отчетливостью подчеркнуть, что существо дела вовсе не в прославлении добродетельной и кроткой императрицы <...> Речь идет о конституционной монархии, о ликвидации абсолютистского режима, о введении представительного правления, обеспеченного конституцией. <...> Конспиративность этой политической подосновы проявилась и в пушкинской строке: «Елизавету втайне пел» (почему бы жену императора надо воспевать тайно?), и в несколько неожиданной концовке стиха, говорящей о том, что, восхваляя Елизавету, неподкупный голос Пушкина становится эхом русского народа». (Нечкина 1955 1: 258).

То есть, пушкинская тайная свобода - тайная в том же примерно смысле, что и Общество. Дело несомненно идет о свободе политической.

Неужели же столь логичная и сама собой напрашивающаяся интерпретация не приходила в голову Блоку, знатоку пушкинских текстов? Трудно себе такое представить. Тем более, что буквально в те же дни, 21 января, поэт увлекся и такой идеей: «Если бы можно было издать маленького Пушкина, «всё, что нужно» - и только!». И даже начал набрасывать примерный план издания. Из стихов, написанных Пушкиным в 19 году, в него без оговорок включены два: «На лире скромной, благородной...» и «Деревня» - уж до чего вольнолюбивая:

И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

Вот и «все, что нужно».

Думается, несколько двусмысленные дефиниции в Доме Литераторов обусловлены той «прикровенностью», которую отмечал Чуковский: свои поймут, а другим и не надо. Строки же о тайной свободе в стихотворении «Пушкинскому Дому» вернее всего, имея в виду фигуру умолчания, понимать так: мы пели тайную свободу, вот ту самую ликвидацию абсолютистского режима и введение представительного правления, обеспеченного конституцией, а получили тупость, невежество и режим уж до того абсолютистский, что конституция стала – звук пустой, а свобода и впрямь сделалась тайной – тайной за семью печатями. И даже втайне петь эту тайную свободу теперь нельзя. Как говорят новые хозяева жизни, за что боролись, на то и напоролись. Но борьба все-таки продолжается, пусть и немая – борьба за сохранение личного достоинства. И подмогой тут – Пушкин. Имя его – не пустой звук. И «имя Пушкинского дома – не пустой для сердца звук». Вот потому то -

Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

И

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

Уход

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...

Счастлив поэт, который может так сказать о себе. Блок 1921 года – не мог. Музыка революции обернулась жуткой какофонией. «Жизнь, - записал он 18 апреля - изменилась, она изменившаяся, но не новая, вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы».

«Вошь победила», - это об охватившей Петербург эпидемии тифа. Он не злобствовал – были боль и отчаяние, а не злоба. Дни черные, но не оканные, то есть проклятые, как для кое-кого. Да что там Бунин! «Странно! - доверительно признавался Блок Корнею Чуковскому. - Член Исполнительного Комитета, любимый рабочими писатель, словом, М. Горький – высказал очень неожиданные мнения. Я говорю ему, что на Офицерской, у нас, около тысячи рабочих больны сыпным тифом, а он говорит: ну и черт с ними. Так им и надо! Сволочи!» (Чуковский 1997 1: 158).

Такой взгляд на вещи представлялся Блоку странным. Потому что и в злобном неблагозвучном шуме времени слышал он гармонию. «Ее чувствуют все – («О назначении поэта»), – только смертные – иначе, чем бог – Моцарт».

С заснеженной Сенатской площади реквиемом по самому себе окликнул он Пушкина: «Ау!»

- У-у-у! – зловеще ответило ему эхо каменеющего государства.

Оставалось два выхода. Либо, как записывал он с горькой иронией еще 17 января в дневнике, «научиться читать “Двенадцать”. Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда». Или – умереть, уснуть. И тут уж никакой Лебедев-Полянский со всеми своими запретами не помеха.

А тот через 16 лет, став уже директором Пушкинского Дома, опубликует объемистый труд, этому учреждению посвященный, - работу поистине заказную, декларативную и всякого лиризма начисто лишенную. (Лебедев-Полянский 1937).

А Блок через полгода после написания стихотворения «Пушкинскому Дому» умер. «Он умер как-то «вообще», <...> оттого что не мог больше жить, - писал Ходасевич. - Он умер от смерти». (Ходасевич 1991: 95).

Но – «мы умираем, а искусство остается, - как было сказано в блоковской речи. - Его конечные цели нам неизвестны и не могут быть известны».

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕНУА, А.Н. (2005), «Из дневниковых записей августа 1921 г.», *Наше наследие*, 74.
- БЛОК, А.А. (1999), *Полное собрание сочинений*, т. 5, Москва, Наука.
- КАЗАНОВИЧ, Е.П. (1980), «Свидетельство очевидца: дневниковые записи», *Литературное обозрение*, 10.
- ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, П.И. (1937), Институт литературы (Пушкинский дом), *Вестник Академии наук СССР*, 10-11.
- МИНЦ, З.Г. (2000), *Александр Блок и русские писатели*, Санкт-Петербург, Искусство-СПб.
- НЕЧКИНА, М.Н. (1955), *Движение декабристов*, Москва, Издательство Академии наук СССР, т. 1.
- ОРЛОВ, В.Н. (1980), Гамаюн, Ленинград, Советский писатель.
- ХОДАСЕВИЧ, В.Ф. (1991), *Некроль*, Москва, Советский писатель.
- ЧУКОВСКИЙ, К.И. (1997), *Дневник*, Москва, Современный писатель, т. 1.
- ЧУКОВСКИЙ, К.И. (1924), *Александр Блок как человек и поэт*, Москва.
- ЧУКОККОЛА (2006), Москва, Русский путь.